

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.172-179

С. В. Симонова*

Обеспечение достоверности информации в сети «Интернет»: современные правовые основы и юридическая практика¹

Аннотация. В работе представлен анализ российской юридической практики по вопросу распространения в сети «Интернет» недостоверной общественно значимой информации. На основе исследования нормативных, правоприменительных и лингвистических источников автор дает юридическую оценку свойству информационной достоверности, отграничивает данное свойство от смежных явлений, а также формулирует условия реализации законного интереса по получению достоверной информации. Особое внимание уделяется анализу материалов практики привлечения граждан к административной ответственности за распространение заведомо недостоверной общественно значимой информации в сети «Интернет». Автор приходит к выводу о широком распространении в судебной практике презумпций недостоверности цифровых сообщений и их угрозы общественному порядку и безопасности. Отмечается, что недостоверная общественно значимая информация интерпретируется в практике через призму не соответствующих действительности сведений, а бремя доказывания истинности публикуемых в сети «Интернет» сообщений возлагается, как правило, на их распространителей.

Ключевые слова: информация; достоверность; распространение информации; Интернет; киберпространство; административная ответственность; правонарушение; судебная практика; доказывание; злоупотребление свободой массовой информации.

Для цитирования: Симонова С. В. Обеспечение достоверности информации в сети «Интернет»: современные правовые основы и юридическая практика // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 11. — С. 172–179. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.172-179.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31346

© Симонова С. В., 2020

* Симонова Снежана Владимировна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры социального и семейного законодательства Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова, эксперт аппарата Уполномоченного по правам человека в Ярославской области
Советская ул., д. 14, г. Ярославль, Россия, 150003
snezh-simonova@yandex.ru

Ensuring the Reliability of Information on the Internet: Modern Legal Framework and Legal Practice²

Snezhana V. Simonova, Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer of the Department of Social and Family Legislation, P. G. Demidov Yaroslavl State University, Expert of the Administrative Office of the Commissioner for Human Rights in the Yaroslavl Region
ul. Sovetskaya, d. 14, Yaroslavl, Russia, 150003
snezh-simonova@yandex.ru

Abstract. The paper presents an analysis of Russian legal practice on dissemination of unreliable socially significant information on the Internet. Based on the study of regulatory, law enforcement and linguistic sources, the author provides a legal assessment to information reliability characteristic, delimits it from related phenomena, and formulates the conditions for the realization of a legitimate interest in obtaining reliable information. Particular attention is given to an analysis of cases of bringing citizens to administrative responsibility for the dissemination of deliberately unreliable socially significant information on the Internet. The author concludes that the presumptions of unreliability of digital messages and their threat to public order and safety are widely spread in judicial practice. It is noted that unreliable socially significant information is interpreted in practice through the prism of information that does not correspond to reality, and the burden of proving the truth of messages published on the Internet is, as a rule, on their distributors.

Keywords: information; reliability; spread of information; Internet; cyberspace; administrative responsibility; offense; arbitrage practice; proof; abuse of freedom of the media.

Cite as: Simonova SV. Obespechenie dostovernosti informatsii v seti «Internet»: sovremennye pravovye osnovy i yuridicheskaya praktika [Ensuring the Reliability of Information on the Internet: Modern Legal Framework and Legal Practice]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava* 2020;15(11):172-179. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.172-179. (In Russ., abstract in Eng.).

В 2020 г. исполняется год с момента принятия в России «пакета законов», направленных на ограничение и деликтивизацию распространения в сети «Интернет» недостоверной общественно значимой информации, — Федерального закона от 18.03.2019 № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”»³ и Федерального закона от 18.03.2019 № 27-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»⁴. С одной стороны, реформа привела к актуализации вопроса о содержании и юридических пределах права на информацию в цифровой среде. С другой стороны, промежуточные итоги реализации указанных нововведений в

течение 2019 г. представляют интерес с точки зрения обобщения применяемых механизмов принудительного обеспечения достоверности информационных потоков в киберпространстве.

Как представляется, одним из ключевых вопросов, важных для оценки действующего правового регулирования отношений в области распространения информации в сети «Интернет», является вопрос о качественных характеристиках информации и о возможности обеспечения данного качества при помощи правовых механизмов. Должна ли информация, распространяемая в цифровой среде, стремиться к достоверности?

Вне зависимости от того, где именно — в сети «Интернет» или за ее пределами — распространяются сведения, свойство достоверно-

² The reported study was funded by RFBR and Expert Institute for Social Research (EISI) according to the research project № 20-011-31346.

³ СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1221.

⁴ СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1217.

сти информации следует рассматривать через призму блага⁵. Безусловно, особое значение данное благо будет иметь для отношений в сети «Интернет», где риски негативных последствий оборота недостоверной информации крайне высоки. Вместе с тем не любой принудительный механизм обеспечения информационной достоверности отвечает личным, общественным и государственным интересам.

Например, мониторинг сети «Интернет» составляет важнейшее направление деятельности большинства правозащитных институтов. Интернет-источники служат одним из основных каналов получения властными органами сведений о нарушениях или об угрозах нарушения прав и законных интересов граждан. Обнаружение подобных информационных поводов в ряде случаев предопределяет дальнейшие активные действия по содействию восстановлению и защите нарушенных прав. С учетом этого запрет под угрозой наказания распространять недостоверные сведения может обернуться потерей из поля зрения государства фактов реального нарушения прав, что не отвечает не только общественным, но и государственным интересам.

Как представляется, правовые основы обеспечения достоверности информации должны оформляться с учетом ответов на следующие вопросы:

- 1) вопрос о содержании понятия достоверности информации;
- 2) вопрос о возможности включения в содержание права на информацию правомочия получения достоверных сведений;
- 3) вопрос о возможности выведения юридического значения достоверности информации с позиции категории права и (или) законного интереса;
- 4) вопрос об условиях наделения субъекта информационных отношений обязанностью распространять достоверные сведения.

В поисках ответа на вышеуказанные вопросы целесообразно обратиться к существующему правовому регулированию, практике и лингвистическим источникам. Конституция РФ, гарантируя в ст. 29 свободу поиска, получения, производства и распространения информации, не содержит требований, которым должны соответствовать распространяемые сведения. Исключения составляют лишь конституционные нормы о праве граждан на получение достоверной информации о состоянии окружающей среды. Обратившись к развивающему положению Конституции РФ нормативному регулированию, можно установить неоднозначность юридической оценки информационной достоверности.

Так, в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁶ достоверность определяется через призму *принципа правового регулирования отношений в сфере информации* (ст. 3), а в Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы⁷ — как *потребность граждан и общества*. В большинстве же правовых актов достоверная информация рассматривается как объект права, реализуемого в строго определенной системе отношений.

Интересно, что федеральный законодатель и до принятия анализируемых Федеральных законов № 31-ФЗ и № 27-ФЗ уже выделял круг сведений, к которым предъявлялось требование достоверности: это и информация о деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, и рекламная информация, и информация об изготовителе (исполнителе, продавце) и о реализуемых им товарах (работах, услугах) и пр. Содержание правовых норм, закрепляющих указанные требования, позволяет установить, что реализация гарантированного законом права получать достоверные сведения по соответствующему вопросу служит целям

⁵ По точному замечанию В. В. Невинского, «обязанность человека выходить в информационное поле с достоверной информацией объективно обусловлена» (см.: *Невинский В. В. «Цифровые права» человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С. 26–32*).

⁶ СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

⁷ СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

обеспечения иных законных интересов (например, интересов потребителя в области компетентного выбора товара, интересов в области экологической безопасности и взаимодействия с органами власти).

Кроме того, право граждан на достоверную информацию реализуется в системе отношений, где управомоченным субъектом выступает гражданин (группа или объединение граждан), а обязанным субъектом — *компетентный субъект*. Основу такой компетентности составляет осведомленность относительно деятельности, информацию о которой требуется раскрыть (продавец, государственный орган, орган местного самоуправления), либо профессиональная квалификация в области оборота информации (СМИ, журналист).

Очевидно, что содержание Федеральных законов № 31-ФЗ и № 27-ФЗ в некотором смысле «ломает» сложившийся подход к определению системы отношений, для которой свойство достоверности информации имеет юридическое значение. Так, обновленным регулированием обязанность воздерживаться от сообщения недостоверных сведений возлагается на неограниченный по признаку компетентности круг субъектов. В условиях отсутствия в законодательстве понятия общественно значимой информации и гарантированного права на достоверную общественно значимую информацию невозможно говорить о том, что реализация данной обязанности обеспечивает защиту какого-либо законного интереса. Между тем российский опыт правотворческой деятельности подтверждает нежизнеспособность норм, возлагающих обязанности в области информационной достоверности на некомпетентный круг субъектов. Достаточно вспомнить принятые в

2014 г. и впоследствии отмененные нормы об обязанности блогеров обеспечивать достоверность распространяемой информации⁸.

Кроме того, учитывая, что распространение в сети «Интернет» недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений охватывается составами административных правонарушений, предусмотренных частями 9–11 ст. 13.15 Кодекса РФ об административных правонарушениях, сомнения вызывает возможность полноценного доказывания качеств недостоверности распространяемой информации в рамках производства по делам об административных правонарушениях.

К примеру, практике известны случаи распространения непроверенной информации, содержащей утверждения о нарушении прав. Зачастую вывод об отсутствии или наличии в решениях, действиях или бездействии субъектов права нарушений закона может быть сделан лишь на основе специальных знаний и по итогам проверочных мероприятий. В связи с новыми законами возникает вопрос о возможности привлечения к ответственности лиц, распространивших не подтвердившиеся сведения, ибо очевидно, что информация о нарушении прав является общественно значимой.

Анализ российской юридической практики позволяет установить, что в зависимости от системы общественных отношений в понятие «достоверность» может вкладываться различный смысл. Так, достоверность информации в сфере рекламы оценивается не только с позиции *соответствия действительности* сообщаемых сведений, но и через призму *их полноты и достаточности* для формирования истинного впечатления о рекламируемом объекте⁹, поскольку, по мысли судов, умолчание определен-

⁸ См.: Федеральный закон от 05.05.2014 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2302.

⁹ См.: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 18.07.2019) «О защите прав потребителей». П. 1 ст. 10 // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140 ; постановление Пленума ВАС РФ от 08.10.2012 № 58 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона “О рекламе”». П. 29 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 12.

ных (в том числе негативных) сведений может исказить смысл информации¹⁰.

В то же время в системе отношений, возникающих в связи с защитой чести, достоинства и деловой репутации, недостоверные сведения оцениваются на предмет их *порочащего характера*. При этом наибольшие трудности возникают в практике по вопросам разграничения утверждений о фактах (информационных сведений) и оценочных суждений, а также оценки распространяемых сведений с позиции умаления ими чести, достоинства и деловой репутации. Данный тезис подтверждается большим числом отмененных судебных решений, а также противоположными заключениями лингвистических экспертиз, в которых одним и тем же заявлениям даются различные по характеру оценки¹¹.

Вместе с тем с 2019 г. оценка достоверного характера распространяемой в сети «Интернет» информации составляет неотъемлемую часть процесса по делам об административных правонарушениях. От результатов данной оценки будет во многом зависеть решение вопроса о привлечении граждан к административной ответственности. Практика применения ч. 9–11 ст. 13.15 КоАП РФ в настоящее время находится на стадии становления. При этом обращает на себя внимание то, что многие из вынесенных в 2019 г. судебных решений о привлечении граждан к ответственности за распространение недостоверной общественно значимой информации были отменены в апелляционном порядке. Анализ принятых к настоящему времени судебных актов позволяет прийти к следующим *основным выводам*.

Во-первых, категория недостоверной общественно значимой информации рассматривается в правоприменительной практике через призму не соответствующих действительности сведений. Как правило, суды исходят из того, что указанное несоответствие может содержать в себе признаки как полной, так и частичной «фальсификации»¹². В последнем случае имеется в виду искажение отдельных элементов содержания распространяемых сообщений.

Вместе с тем, обратившись к толковым словарям русского языка, можно установить, что слово «недостоверный» определяется с позиции качества, отражающего сомнения в достоверности чего-либо. Понятие же достоверности, в свою очередь, отличается богатством смыслового значения и интерпретируется как с позиции явления, не вызывающего сомнений, так и с позиции точности, подлинности и реальности определенных утверждений, источников, сведений, событий и пр. Очевидно, что с точки зрения первой интерпретации отождествление свойства недостоверности и свойства несоответствия действительности информации едва ли справедливо признать корректным.

Обозначенные выше тонкости толкования единиц русского языка имеют ключевое значение для понимания позиции отдельных российских правозащитных институтов, призывающих к разграничению недостоверной информации и информации, не соответствующей действительности. Так, согласно экспертному мнению Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека¹³ (далее — СПЧ), не соответствующая действительности информация указывает на факты или события,

¹⁰ См.: Трофимов В. Н. Подборка судебных решений за 2018 год: статья 5 «Общие требования к рекламе» Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ См., например: апелляционное определение Московского городского суда от 06.08.2018 № 33-34054/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² См.: постановление Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 25.07.2019 по делу № 5-1442/2019 // URL: <http://jakutsky.jak.sudrf.ru/> (дата обращения: 15.01.2020).

¹³ См.: Экспертное заключение Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека на принятые Государственной Думой закон «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»» и на закон «О внесении изменений в статью 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» от 11.03.2019. П. 5 // URL: <http://president-sovet.ru/documents/read/639/> (дата обращения: 10.01.2020).

не имевшие места в реальности, и в силу этого относится к объективной истине, в то время как *недостоверная информация* отражает уровень доверия к источнику информации. Из данной трактовки следует вывод о возможности оценки уровня достоверности информации исключительно на основе субъективной шкалы веры человека в истинность распространяемых им сведений.

По мнению СПЧ, при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 9–11 ст. 13.15 КоАП РФ, суду недопустимо «вторгаться в такие далекие от права вопросы, как вера и доверие». Однако анализ уже сложившейся правоприменительной практики показывает, что суды оценивают достоверность информации всего лишь с позиции ее соответствия действительности и не рассматривают вопрос о вере граждан в истинность распространяемых сообщений.

Во-вторых, исследование материалов правоприменительной практики показывает, что вопрос достоверности распространенной информации зачастую не становится предметом всесторонней оценки должностных лиц органов внутренних дел, возбуждающих дела об административных правонарушениях, предусмотренных частями 9–11 ст. 13.15 КоАП РФ. Отсутствие в протоколах об административных правонарушениях доводов в пользу недостоверности опубликованной в сети «Интернет» информации в некоторых случаях становится основанием их возвращения судьями для устранения недостатков¹⁴. Однако презумпция недостоверности информации в сети «Интернет» может домини-

ровать и на судебной стадии производства по делам об административных правонарушениях.

Так, при рассмотрении анализируемой категории дел отдельные суды возлагают бремя доказывания достоверности распространенных сведений на лиц, в отношении которых возбуждено дело об административном правонарушении¹⁵. В ряде случаев выводы о том, что распространяемые сообщения не соответствуют действительности, опираются на экспертные заключения, заключения по результатам лабораторных исследований и иные подобные специальные документы¹⁶. Однако тот факт, что проверка достоверности отдельных сообщений возможна исключительно на основе специальных знаний, не расценивается в практике в качестве обстоятельства, исключающего вывод об осознании гражданами недостоверности опубликованных ими сообщений¹⁷. Соответственно, риски распространения сообщений без проведения дополнительных проверочных мероприятий возлагаются на граждан.

Вместе с тем установление истинного психического отношения граждан к достоверности записей, публикуемых ими в сети «Интернет», имеет ключевое значение для решения вопроса о наличии в их действиях предусмотренных частями 9–11 ст. 13.15 КоАП РФ составов административных правонарушений. Пренебрежение данным правилом фактически приводит к запрету распространения слухов, правдивость которых не очевидна и требует организации специальных проверочных мероприятий¹⁸.

Обозначенное указывает на то, что в современном процессе по делам о привлечении

¹⁴ См.: определение Октябрьского районного суда города Архангельска от 06.06.2019 по делу № 5-309/2019 // URL: <http://oktsud.arh.sudrf.ru/> (дата обращения: 15.01.2020).

¹⁵ См.: постановление Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 25.07.2019 по делу № 5-1442/2019.

¹⁶ См.: постановление Селемджинского районного суда Амурской области от 26.09.2019 по делу № 5-45/2019 // URL: <http://selemdginskiy.amr.sudrf.ru/> (дата обращения: 15.01.2020).

¹⁷ См.: постановление Селемджинского районного суда Амурской области от 26.09.2019 по делу № 5-44/2019.

¹⁸ В Экспертном заключении СПЧ от 11.03.2019 справедливо отмечается, что у лица, не являющегося журналистом, существенно меньше возможностей для проверки распространяемой информации. Ответственность же за распространение слухов под видом достоверных сообщений предусмотрена для представителей журналистского сообщества.

граждан к административной ответственности за злоупотребление свободой массовой информации (в том состоянии, в котором этот процесс существует на настоящий момент) менее отчетливо выражены присущие гражданскому судопроизводству состязательность и равноправие сторон. Между тем доказывание достоверности той или иной информации представляет весьма трудную задачу для граждан в случае, если они это будут делать самостоятельно. Достаточно вспомнить «закон о праве на забвение»¹⁹, предписания которого так и не стали реально работающими и эффективными. Как представляется, причины этого во многом связаны с тем, что на лиц, требующих от операторов поисковых систем прекращения выдачи ссылок на определенные страницы сайтов, стало возлагаться бремя доказывания недостоверности и неактуальности распространяемой о них на данных страницах информации²⁰.

В-третьих, необходимым условием привлечения граждан к ответственности за распространение недостоверной общественно значимой информации в сети «Интернет» по смыслу ч. 9–11 ст. 13.15 КоАП РФ является угроза или реальное наступление определенных законодателем *негативных последствий*. В ряде смежных составов КоАП РФ, например связанных с нарушением порядка организации либо проведения публичных мероприятий (ч. 3, 4, 6, 6.1 ст. 20.2), аналогичные последствия также выступают в качестве необходимого элемента объективной стороны состава правонарушения. Однако как показывает практика применения данных норм, угроза причинения вреда охраняемым законом ценностям зачастую констатируется судами со слов сотрудников полиции и не является, как правило, самостоятельным предметом доказывания.

Анализируя материалы правоприменительной практики по делам о привлечении граждан к ответственности за правонарушения, предусмотренные частями 9–11 ст. 13.15 КоАП РФ, можно установить отсутствие единого подхода к определению негативных последствий распространения в сети «Интернет» недостоверной информации. Так, в отдельных протоколах об административных правонарушениях и решениях судов первой инстанции в качестве угрожающих общественному порядку рассматриваются такие гипотетические последствия распространения недостоверной общественно значимой информации, как, например, усиление политических настроений граждан в условиях чрезвычайной ситуации, формирование у граждан убеждения в противоправном характере деятельности правоохранительных органов, возмущение граждан и митинги и пр. В ряде случаев вопрос о содержательных характеристиках и реальности угрозы массового нарушения общественного порядка может не исследоваться органами внутренних дел в принципе, в то время как в судах апелляционной инстанции обращается внимание на необходимость всестороннего доказывания данных обстоятельств²¹.

Между тем едва ли отмеченные обстоятельства можно расценить в качестве реальных угроз общественному порядку и общественной безопасности. Связь между информацией, размещенной в сети «Интернет», и реальными событиями всегда будет косвенной ввиду большого числа внешних факторов, которые вмешиваются в эту причинную связь. Подтвердить же доказательствами объективную связь между вбросом сведений в Интернет и событием в реальной жизни невероятно сложно.

С учетом изложенного очевидно, что причины сегодняшних проблем правопримени-

¹⁹ См.: Федеральный закон от 13.07.2015 № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4392

²⁰ См., например: апелляционное определение Московского городского суда от 06.06.2017 № 33-19040/2017 // СПС «КонсультантПлюс»; апелляционное определение Московского городского суда от 12.09.2017 № 33-334821/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ См.: решение Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 21.05.2019 по делу № 7/1-137/2019 // URL: <http://vs.jak.sudrf.ru/> (дата обращения: 15.01.2020).

тельной практики, связанной с юридической оценкой фактов распространения недостоверной общественно значимой информации, заложены в содержании самих запрещающих норм. Многие из отмеченных противоречий предопределены особенностями формулирования нормативных предписаний, а также конструкций составов административных правонарушений, предусмотренных частями 9–11 ст. 13.15 КоАП РФ.

Как представляется, при применении анализируемых положений крайне важно иметь в виду позицию Европейского Суда по правам человека, который в решении по делу «Вегр-

жиновски и Смолчевски против Польши» негативно оценил практику удаления недостоверной информации из сети «Интернет» исходя из правила о недопустимости «переписывания истории»²². По мысли Суда, однажды размещенные в сети «Интернет» сведения могут в дальнейшем использоваться в образовательных и исследовательских целях. В случае же удаления информации ее повторное размещение может оказаться невозможным. Аналогично возникнут сложности и с восстановлением прав лиц, необоснованно привлеченных к ответственности за распространение недостоверной общественно значимой информации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Невинский В. В. «Цифровые права» человека: сущность, система, значение // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 10. — С. 26–32.
2. Трофимов В. Н. Подборка судебных решений за 2018 год: статья 5 «Общие требования к рекламе» Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» // СПС «КонсультантПлюс».

Материал поступил в редакцию 22 января 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Nevinskij V. V. «Cifrovye prava» cheloveka: sushchnost', sistema, znachenie // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. — 2019. — № 10. — S. 26–32.
2. Trofimov V. N. Podborka sudebnyh reshenij za 2018 god: stat'ya 5 «Obshchie trebovaniya k reklame» Federal'nogo zakona ot 13.03.2006 № 38-FZ «O reklame» // SPS «Konsul'tantPlyus».

²² См.: Application no. 33846/07, Węgrzynowski and Smolczewski v. Poland, Judgment of 16 July 2013, § 65 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-122365> (дата обращения: 15.01.2020).